ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
JURIDICAL PSYCHOLOGY

УДК 159.9.072.432 doi: 10.21702/rpj.2016.4.18

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ЖЕРТВЕННОСТИ» И ЕЕ ВЫРАЖЕННОСТЬ У СОЛДАТ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

Ирина М. Кыштымова*, Ирина С. Шахова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
** E-mail: info@creativity.ru*

Предпринята попытка обоснования психологического статуса понятия «жертвенность». Показана его значимость для продуктивности деятельности военнослужащего. Рассмотрены особенности трансформации обыденной семантики «жертвенности», связанной с редукцией трансцендентных и усилением гуманистических коннотаций. Акцентировано суждение об отсутствии психологической рефлексии содержания качеств военнослужащего, требуемых уставными документами и обозначенных в научных работах как условие готовности к выполнению долга по защите Отечества. Проведен сравнительный анализ понятий «жертвенность» и «альтруизм», выявлена неполнота последнего для обозначения готовности к жертвенному поступку. Показана взаимосвязь жертвенности с уровнем смыслового развития личности. Приведены данные эмпирического исследования уровня смыслового развития солдат, проходящих службу по призыву, и их готовности к жертвенному поведению.

Исследование выполнено в полипарадигмальной логике, с использованием положений культурно-исторического, экзистенциального и психосемиотического подходов; в нем приняли участие 45 солдат срочной службы. Для диагностики готовности к жертвенному поведению был составлен описанный в статье опросник, для определения уровня смыслового развития использованы диагностические показатели «объектоцентризм» и «смысл 2» методики психосемиотического анализа сочинений на свободную тему, а также индекс децентрации «Методики предельных смыслов». Представлен анализ выявленных корреляционных связей полученных значений диагностических показателей. Выявлена достоверная прямая взаимосвязь жертвенности с вероисповеданием, с бытовыми формами помогающего поведения, а также с уровнем смыслового развития испытуемых; обратная – с показателем самолюбия. Показана важность моделирования и реализации развивающих

программ для солдат срочной службы, направленных на развитие системы личностных смыслов, что может компенсировать смысловую недостаточность современной развивающей среды и способствовать формированию готовности к исполнению воинского долга.

Ключевые слова: *жертвенность, альтруизм, поступок, личностный смысл, духовность, воинский долг, семантический анализ, психодиагностика, психосемиотический анализ, помогающее поведение.*

Для цитирования: Кыштымова И. М., Шахова И. С. Психологическое содержание «жертвенности» и ее выраженность у солдат срочной службы // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – № 4. – С. 303–317

Материалы статьи получены 15.07.2016

UDC 159.9.072.432 doi: 10.21702/rpj.2016.4.18

THE PSYCHOLOGICAL CONTENT OF "SELF-SACRIFICINGNESS" AND ITS LEVEL IN CONSCRIPTS

Irina M. Kyshtymova*, Irina S. Shakhova
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
** Correspondence author. E-mail: info@creativity.ru*

This article touches upon the psychological status of the concept of "self-sacrificingness" and demonstrates its importance for the efficiency of the soldier. The features of the transformation of the ordinary semantics of "self-sacrificingness" are connected with the reduction of transcendental connotations and strengthening of humanistic ones. There is a lack of psychological reflection of the content of qualities of soldiers, which are required in service regulations and described in scientific studies as conditions of their willingness to implement the duty to defend the Fatherland. The authors (a) carried out the comparative analysis of the concepts of "self-sacrificingness" and "altruism", (b) revealed the incompleteness of the concept of "altruism" to designate the readiness for a sacrificial act, (c) demonstrated the interrelation of self-sacrificingness with the level of sense development of the person, and (d) adduced the results of the empirical study of the sense development of conscripts and their willingness for sacrificial behavior.

The study was carried out according to a multiparadigm logic, with the use of propositions of cultural-historical, existential, and psychosemiotic approaches. The study involved 45 conscripts. The authors developed a questionnaire for the diagnosis of the willingness for sacrificial behavior. To determine the level of sense development

they used diagnostic indices of "object-centrism" and "sense 2", techniques of psychosemiotic analysis of essays on any topic, as well as the index of decentration of the "Technique of Ultimate Senses". The paper presents the analysis of the revealed correlations of the obtained scores of diagnostic indices. The results of the study demonstrated a direct correlation between self-sacrificingness and religion, everyday forms of helping behavior, as well as the level of sense development of the respondents; there was a reverse correlation with the index of self-esteem. The present study showed the importance of modeling and implementation of developing programs for conscripts, aimed at the development of the system of personal senses that can compensate for the sense insufficiency of the modern educational environment and contribute to their willingness to perform military duty.

Keywords: *self-sacrificingness, altruism, act, personal sense, spirituality, military duty, semantic analysis, psychodiagnostics, psychosemiotic analysis, helping behavior.*

For citation: Kyshtymova I. M., Shakhova I. S. Psikhologicheskoe soderzhanie «zhertvennosti» i ee vyrazhennost' u soldat srochnoi sluzhby [The psychological content of "self-sacrificingness" and its level in conscripts]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 4, pp. 303–317.

Original manuscript received 15.07.2016

Введение

Понятие «жертвенность», которому в психологической науке практически не уделяется внимания, является, на наш взгляд, очень важным для понимания достоинства личности, поведения человека в сложных жизненных ситуациях, и, конечно, готовности военного к защите Отечества. Семантически равнозначного психологического понятия нет, близкие понятия «эмпатия» и «альтруизм» нагружены коннотациями, которые не позволяют использовать их в научном тезаурусе для анализа жертвенного поведения защитника Родины. Поэтому представляется важной попытка психологической операционализации термина, который сегодня более привычен для обыденного, философского и культурологического дискурсов.

Интерес к проблеме психологической готовности юношей, призванных в армию, к выполнению задач по защите Отечества, обусловлен, во-первых, важностью поддержания боеспособности армейских подразделений – необходимостью «держать "психологический порох" сухим» [11, с. 29]; во-вторых, социально обусловленной трансформацией развивающего пространства, в которой происходит формирование будущего солдата; и, в-третьих, изменением условий армейской службы.

Стабильность уставных требований к личности военнослужащего входит сегодня в противоречие с все более усиливающейся динамичностью социокультурной среды, приводящей к изменению ценностных ориентаций, идеалов, смысловых установок призывников. Отечественные исследования, посвященные проблеме психологического развития юношей, обусловливающего успешность их воинской службы, осмыслению современного психологического содержания и механизмов формирования требуемых Уставом качеств военнослужащего, малочисленны [8, 12, 27]; психологического определения и операционализации нормативно заданных качеств военнослужащего в доступной нам литературе не обнаружено. При этом очевиден интерес зарубежных коллег к проблеме психологической подготовки военнослужащих, который определяется, в частности, повышением значения психологического фактора в успешности военного противостояния в современных условиях [29, 32].

Армия является государственным институциональным образованием со строгим консервативно-традиционным укладом. Требования к готовности военнослужащих определены статьей 33 Федерального закона № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Уставом внутренней службы, в частности: «беззаветно служить своему народу, мужественно, умело, не щадя своей крови и самой жизни, защищать Российскую Федерацию» [24, с. 8], «быть честным, дисциплинированным, храбрым», «беспрекословно выполнять поставленные задачи в любых условиях, в том числе с риском для жизни» [24, с. 5]. Нашедшие отражение в документах представления о свойствах личности российского воина «отфильтрованы» многовековым опытом ведения военных действий, их значимость несомненна. Следовательно, ответ на вопрос о важности развития этих качеств безальтернативен. Но для понимания механизмов и условий развития значимых для военного свойств важен феноменологический анализ их психологического содержания.

Одними из самых употребительных характеристик военнослужащего являются производные слова «дух»: духовность, духовная стойкость, воинский дух и пр. На представлении о доминантном значении духовного фактора в продуктивности военнослужащего основана современная комплексная программа подготовки американских военнослужащих «Армейская стойкость»: М. Селигманом разработан специальный программный модуль духовной подготовки солдат [18, с. 157–191]. Духовность при этом понимается широко – как «основание человеческого духа», сравнимое «с самыми главными ценностями и убеждениями в отношении цели и значения жизни, истин о мире и видения путей полной реализации своего потенциала и достижения цели» [18, с. 189].

Понимание изучаемого концепта может быть продуктивным при междисциплинарном подходе: духовность является традиционным объектом научной рефлексии российской философской мысли. И. А. Ильин акцентировал важность духовных свойств защитника Отечества: «Тот, кто сберег свою жизнь, но не соблюл духа, тот не борец и не строитель родины. Что ему русская армия? Что он России?» [10, с. 259]. При этом понятие «дух» интерпретируется автором как трехчастное, включающее дух чести, служения и верности. «Дух чести» понимается как, во-первых, «общечеловеческая честь: живое чувство собственного достоинства; уважение к себе и к своим алтарям, прямота характера слова и поступка», во-вторых, как воинская честь – «достоинство солдата, уважение к воинскому званию и призванию, живое осознание той благой цели, для которой воину дан меч», и, в-третьих, как государственная честь – «уважение к исторической государственности, живое осязание самого себя в единстве со своей родиной» [10, с. 259]. Под духом служения понимаются бескорыстие и свободная жертвенность, добровольное подчинение и бесстрашие, «то состояние души, когда любовь родит сильную и неподкупную волю, воля ведет к поступку, а поступок строит Родину» [10, с. 259], подчеркивается содержательное родство жертвенности с духовностью и любовью к Родине.

Семантическая неоднородность понимания духовности – от экзистенциальной парадигмы, где она рассматривается в связи с трансцендентностью, до утилитарно-упрощенного понимания духовности как морального поведения – обусловливает, на наш взгляд, необходимость психологической рефлексии и операционализации составляющих этого понятия. В нашей работе предпринята попытка психологического определения только одной значимой составляющей широкого понятия «духовности» – жертвенности.

Психолого-семантический анализ понятия «жертвенность»

Значимость рассмотрения психологического содержания жертвенности обусловлена, во-первых, маркированием в нормативных документах и аналитических работах готовности к жертве, самопожертвованию как одного из основополагающих свойств солдата; во-вторых, неоднозначностью понятия, требующего уточнения; в-третьих, необходимостью определить его место в ряду семантически близких психологических понятий.

В словаре русского языка XI–XVII в. слово «жертва» толкуется только в связи с принесением дара божеству, ее духовность, таким образом, абсолютна [19]. В XVIII в. значение слова трансформируется в направлении гуманизации: кроме «дара божеству», появляется дополнительная семантика добровольного отказа от чего-то, самопожертвования безотносительно к объекту «дарения», которым может быть уже не только божество, но и человек,

а также добавляется страдательная коннотация – жертвой обозначают и пострадавшего от несчастья человека [20].

В академическом словаре современного русского языка исходная духовная семантика окончательно редуцирована: объект жертвенного дарения не указан, либо им становится только человек. Жертвенность трактуется как способность к самопожертвованию, самоотверженность, отказ от личных целей, выгод и удобств [21], самопожертвование понимается исключительно гуманистически: «жертвование собой, своими личными интересами для блага других» [22, с. 123]. Такая смысловая гуманизация жертвенности отражена уже в словаре В. И. Даля, где самопожертвование понимается как «жертва самим собою или своим имуществом на пользу других» [9, с. 22]. Нельзя не заметить, что семантическая «потеря» божества как адресата приносимого дара в акте жертвования и замена его человеком происходит одновременно с заменой слов «жертвенность» и «жертвование» словом «самопожертвование», что отражает общую тенденцию секуляризации и смысловой «материализации» понятия.

Однако исходная духовная семантика жертвенности как акта дарения в соответствии с высшим, трансцендентным смыслом сохраняется и маркируется в философском дискурсе: «свободная жертвенность» воина, о которой пишет И. А. Ильин, не что иное, как состояние преодоления «мирских страстей» [9, с. 22], акт экзистенциального выбора, посредством которого духовные смыслы реализуются в поступке. Мотивом такого жертвенного действия, в котором актом свободы преодолевается ценность мирского, ценность жизни человека, не может быть гуманистический, – мотив жертвенности трансцендентен и надличностен. Именно в этом случае отдающий благодарен принимающему жертву за ее принятие, а не ждет благодарности от него. В так понимаемой жертвенности маркированы две важных составляющих: во-первых, непубличность, даже анонимность жертвенного действия, независимость жертвенного дарения от процессов самоутверждения через жертву. Именно в этом смысле жертвенность как преодоление телесного и душевного (мирского) во имя высшего (духовного) С. Н. Булгаков противопоставлял «героическому самоутверждению» [7, с. 284]. Во-вторых, жертвенность принципиально бескорыстна и предполагает не ожидание ответной благодарности, а благодарность дарящего принимающему дар.

Эти философские коннотации представляются принципиально значимыми для психологического понимания жертвенности в контексте осмысления готовности солдата к выполнению воинского долга при любых обстоятельствах и даже ценой собственной жизни. «Любые обстоятельства», о которых говорится в Уставе, заведомо не предполагают условий для проявления публичного героизма, для самоутверждения и получения общественного признания.

В психологии понятием, наиболее семантически близким жертвенности, является альтруизм, под которым понимают поведение, направленное на принесение пользы другому человеку [28]; «большую значимость благополучия, счастья или даже выживания других по сравнению с собственными; поведение, направленное на обеспечение безопасности, удовлетворение интересов или улучшение жизни других при одновременном подвергании опасности себя» [4, с. 36]. В психологическом словаре под редакцией А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского значение альтруизма обогащено важной коннотацией бескорыстия как «деятельности… не предполагающей реального вознаграждения» [17, с. 18]. В более поздних работах семантика понятия «бескорыстие» утрачивается [3, 23], подчеркивается значение социального одобрения [30], отмечается содержательная недостаточность понятия «альтруизм» для объяснения героического поведения [33]. Более того, сегодня предпринимаются попытки представления альтруизма как формы эгоистически мотивированного самоутверждения [15, 31], что является логичным развитием тенденции к гуманизации.

Понятие «жертвенность», таким образом, можно рассматривать как имеющее зоны семантического пересечения с понятиями «альтруизм» и «духовность». Как альтруизм, жертвенность предполагает акт дарения значимого (материальных благ, жизни). Мотив недемонстративного, бескорыстного дарения при этом определен духовным, надличностным уровнем осмысления реальности – духовными смыслами, которые «являясь как бы неспецифическими к конкретному жизненному материалу, начинают, тем не менее, задавать наиболее общие, магистральные линии развития личности и выбор способов их осуществления» [6, с. 218].

Анализ семантики понятия «жертвенность», таким образом, может быть основанием для суждения о тесной взаимосвязи готовности к бескорыстной жертве с уровнем смыслового развития человека. Психологический статус духовности определен в теории смыслового развития человека как обозначающий высший уровень этого развития, который является предметом «вершинной» (Л. С. Выготский) психологии. Смыслы, являясь системообразующим свойством личности, «направляют ход бытия» [26, с. 285], определяют содержание поступка: «все содержательно-смысловое… – это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке. Ответственность возможна не за смысл в себе, а за его единственное утверждение – неутверждение» [2, с. 44].

В уровневой дифференциации смыслов традиционно выделяется высший, называемый трансцендентным, бытийным, духовным или эсхатологическим [1, 5, 25]. Б. С. Братусь, анализируя уровни смыслового развития, обозначает эгоцентрический, затем – группоцентрический, еще более

высокий – гуманистический, определяющий внутреннюю устремленность к благу других людей, и – самый высокий – духовный уровень, на котором происходит осмысление реальности с позиции философских, бытийных оснований, устанавливается «отношение к конечным вопросам и смыслам жизни» [5, с. 293]. Высшие – гуманистический и духовный – уровни смыслового развития человека и могут стать основанием жертвенного поступка. При этом величина жертвы определяется их иерархическим отношением. Обязанность солдата выполнять воинский долг при любых обстоятельствах предполагает его готовность к жертве во имя Родины; такая жертвенность определяется высшим – духовным уровнем смыслового развития.

Исследование жертвенности и ее взаимосвязи с уровнем смыслового развития солдат

В процессе исследования верифицировалось суждение о взаимосвязи жертвенности с уровнем смыслового развития, диагностика которого у солдат срочной службы может стать основанием для определения их готовности к выполнению требований Устава, а также стать основанием для моделирования программ психологической подготовки.

При составлении методики для диагностики готовности к жертвенному поведению мы исходили из положений о том, что: 1) жертвенность является не отвлеченным качеством, а предполагает действенное выражение в реальном поступке дарения; 2) жертвующий не ждет и не желает благодарности за свой поступок и его огласки; 3) социально-статусные и иные характеристики адресата дарения (нуждающегося) не влияют на мотивацию жертвования. Для снижения влияния фактора социальной желательности на результаты диагностики вопросы (всего 34) составлены таким образом, чтобы получить данные как для количественного, так и для качественного, в том числе нарративного, анализа.

Шкала *жертвенности* включает вопросы: «Отдавали ли Вы безвозмездно кому-либо: а) продукты, б) одежду, в) время, г) деньги»; «Кому Вы жертвовали?»; «Что Вы испытываете по отношению к людям «без определенного места жительства»: а) презрение, б) брезгливость, в) жалость, г) сочувствие, д) желание оказать помощь, ж) стыд»; «Когда Вы видите нищего, Вы думаете: а) эти нищие попрошайки, их так много, я столько не зарабатываю, б) они притворяются бедняками, на самом деле это их бизнес, в) мне тоже нелегко, г) мне не жалко им помочь, д) спасибо им за то, что я могу сделать доброе дело и оказать кому-то помощь»; «Когда друг благодарит вас за помощь, Вы думаете: а) сегодня я ему помог, завтра он мне поможет, б) мне нравится помогать ему, в) я всегда помогаю людям, в) я не сделал ничего особенного, даже говорить не о чем»; «Вы когда-нибудь спасали бездомное или больное животное? Если да – расскажите об этом».

Шкала *служения* включает вопросы, определяющие отношение к службе в армии, например: «Какое из суждений Вы поддерживаете: призыв в армию – а) лучшее событие в моей жизни, б) хорошее событие, в) не является важным событием для меня, г) скорее, печальное событие, д) самое плохое событие моей жизни».

Шкала *социальных установок* состоит из вопросов: «По Вашему мнению, повысится ли уровень уважения к Вам после службы в армии?», «Что в кругу Ваших друзей ценится выше всего?» (предлагается ранжирование вариантов).

Шкала *бытового помогающего поведения* предлагает ответы на вопросы «Были ли у Вас обязанности по дому?» (предложены варианты ответов: от мытья посуды до ухода за детьми или стариками); «Сколько своего свободного времени Вы уделяли помощи по дому?». В процессе опроса также выявлялись социально-демографические показатели (вероисповедание, полная семья или нет, наличие в семье других детей).

В процессе диагностики смыслового развития солдат использовались отдельные показатели методики психосемиотического анализа вербального текста: «смысл 2» и «объектоцентризм» [13, 14]. Солдатами были написаны сочинения на тему «Россия – Родина моя», время написания не ограничивалось. Тексты были подвергнуты диагностическому анализу, в процессе которого, во-первых, определена уровневая выраженность смысла в соответствии со следующими критериями: нулевым уровнем обозначены прагматические, операциональные смыслы; первый – эгоцентрический уровень – обусловлен «преимущественным стремлением лишь к собственному удобству, выгоде, престижу» [5, с. 292]; следующий уровень – группоцентрический: события и явления действительности наделяются смыслом в зависимости от их значимости с позиций групповых ценностей; гуманистический уровень характеризуется внутренней устремленностью на благо другим, даже лично незнакомым людям; духовный уровень предполагает осмысление излагаемого в тексте с позиций трансцендентных, абсолютных оснований.

Следующий использованный для анализа солдатских сочинений критерий – объектоцентризм – характеризует эмпатическую способность постановки в смысловой центр текста объекта, определенного основной темой сочинения (определяется как отношение числа упоминаний заданного тематического объекта (Родины) и указывающих на него местоимений к общему числу слов).

Для определения уровня смыслового развития использовался также критерий «индекс децентрации» (ИД) «Методики предельных смыслов» [16], который определяет, в частности, степень эгоцентричности человека.

В исследовании характеристик военнослужащих, гипотетически связанных с их готовностью к жертвенному поведению, приняли участие 45 солдат,

проходящих срочную службу по призыву в дивизии, дислоцирующейся в г. Иркутске.

Данные, полученные в ходе психологической диагностики, подверглись процедуре статистической обработки, взаимосвязь показателей определялись с помощью коэффициента корреляции r_s Спирмена.

Выявлено, что значение жертвенности имеет прямую корреляцию со «смыслом 2» (r_s = 0,645, p = 0,007). Высокие уровни смыслового развития (гуманистический и духовный) определяют мотивацию готовности к жертвенному поступку, низкие смысловые уровни (эгоцентрический и группоцентрический) связаны с неготовностью к актам отдачи значимого.

Анализ показал наличие взаимосвязи «жертвенности» со значением «объектоцентризма» (r_s = 0,486, p = 0,038). Умение центрироваться на предмете рефлексии (например, не «соскальзывать» в процессе написания сочинения о Родине на повествование о себе самом) характерно для тех испытуемых, у которых высокие показатели по шкале жертвенности.

Обнаружена достоверная корреляция показателей жертвенности с индексом децентрации (r_s = 0,320, p = 0,048), что отражает нравственную разнонаправленность процессов дарения и самолюбия.

Выявлены статистически значимые связи между показателем «жертвенность» и вероисповеданием солдат (r_s = 0,428, p = 0,018), что ожидаемо, т. к., во-первых, понятие жертвы органично религиозному сознанию, во-вторых, вера предполагает духовный, трансцендентный уровень осмысления реальности – высокий уровень смыслового развития, который, согласно нашей гипотезе, определяет готовность к жертвенному поведению.

Жертвенность связана с помогающим поведением, проявляемым в быту: в частности, обнаружены достоверные прямые корреляции с наличием у солдат братьев или сестер (r_s = 0,320, p = 0,042) и с выполняемыми в семье обязанностями (r_s = 0,538, p = 0,008).

Обоснованное в процессе семантического анализа суждение о взаимосвязи готовности к жертвенному поведению с уровнем смыслового развития человека и его эмпирическая верификация позволяют аргументировать тезис о важности моделирования и реализации развивающих программ, направленных на развитие системы личностных смыслов солдат в условиях прохождения ими армейской службы.

Важность целенаправленного развития смысловой системы личности военнослужащего обусловлена как ее взаимосвязью с готовностью к жертвенному поведению, так и тревожными показателями проведенной диагностики: согласно полученным данным, что высший уровень смыслового развития (духовный) выявлен лишь у 4,1 % участников исследования, гуманистический характерен для 17,6 % испытуемых. Самый большой

показатель – 32,4 % – соответствует эгоцентрическому уровню смыслового развития, группоцентрическому – 25,7 %. Такие показатели не удивительны в условиях, когда развивающее пространство, в котором сегодня происходит становление личности будущего призывника, характеризуется ценностной эклектичностью и системно не направлено на повышение уровня его смыслового развития. С помощью специальных программ психологической подготовки военнослужащего можно в некоторой степени компенсировать смысловую недостаточность развивающей среды. Моделирование таких программ с опорой на положения культурно-исторической психологии о механизмах развития личности, в частности, в процессе инкультурации, может усилить продуктивность процессов смыслового развития солдат во время срочной службы, а, следовательно, повысить их готовность к выполнению воинского долга.

Литература

1. *Агафонов А. Ю.* Человек как смысловая модель мира. – Самара: Бахрах-М, 2000. – 336 с.
2. *Бахтин М. М.* Работы 20-х годов. – Киев: «Next», 1994. – 384 с.
3. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 672 с.
4. Большой толковый психологический словарь / Сост. А. Ребер. – М.: Вече – АСТ, 2000. – 592 с.
5. *Братусь Б. С.* Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева / А. Г. Асмолов, Ю. Д. Бабаева, Н. Б. Березанская и др. – М., 1999. – С. 284–298.
6. *Братусь Б. С.* Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа личности // А. Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А. Н. Леонтьева / Ред. А. В. Запорожец и др. – М., 1983. – С. 212–220.
7. *Булгаков С. Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 589 с.
8. *Гизатулина А. А., Тараданов А. А.* Адаптированность военнослужащих к условиям срочной службы // Генетическая социология XXI. – 2015. – № 1 (1). – С. 16–31.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: А/О Прогресс, Универс, 1994. – Т. 4. – 864 с.
10. *Ильин И. А.* Родина и мы // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 9. – 512 с.
11. *Караяни А. Г.* Алтарь победы // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1 (3). – С. 29–33.

12. *Караяни А. Г., Волобуева Ю. М.* Военная психология как область специального научного знания и практики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2007. – № 4. – С. 20–33.
13. *Кыштымова И. М.* Диагностические возможности авторского текста // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2007. – № 6. – С. 127–130.
14. *Кыштымова И. М.* Психосемиотическая методика диагностики вербальной креативности // Психологический журнал РАН. – 2008. – Т. 29. – № 6. – С. 57–67.
15. *Левит Л. З., Шевалдышева Е. З.* Эгоим и альтруизм: «антагонисты» или «братья»? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 4 (333). – Вып. 3. – С. 62–78.
16. *Леонтьев Д. А.* Методика предельных смыслов (МПС). – М.: Смысл, 1999. – 35 с.
17. Психология: словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
18. *Селигман М.* Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 440 с.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под. ред. С. Г. Бархударова. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5. – 392 с.
20. Словарь русского языка XVIII века / Под ред. С. Г. Бархударова. – СПб.: Наука, 1992. – Вып. 7. – 263 с.
21. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. С. Г. Бархударова. – М. – Ленигр.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 4. – 1362 с.
22. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. С. Г. Бархударова. – М. – Ленигр.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 13. – 1515 с.
23. Современный словарь по психологии. – Минск: Современное слово, 1998. – 768 с.
24. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. – М.: Военное издательство. – 151 с.
25. *Фельдман Я. А.* Теория уровней и модель человека. – М.: Доброе слово, 2005. – 224 с.
26. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
27. *Чернышова О. В.* Профилактика стрессовых и кризисных ситуаций у военнослужащих, проходящих военную службу по призыву // Российский научный журнал. – 2011. – № 20. – С. 182–193.
28. *Baston C. D., Leonard B.* Prosocial Motivation: Is it ever Truly Altruistic? // Advances in Experimental Social Psychology. – 1987. – no. 20. – pp. 65–122.
29. *Driskell J. E.* Olmstead B. Psychology and Military: Research Applications and Trends // American Psychologist. – 1989. – 44. – pp. 43–54.

30. *Harvey M. D., Enzle M. E.* A cognitive model of social norms for understanding the transgression-helping effect // Journal of Personality and Social Psychology. – 1981. – V. 41. – no. 5. – pp. 866–875.
31. *Medin B.* Ultimate principles and ethical egoist // Australasian Journal of Philosophy. – 2002. – V. 35. – no. 2. – pp. 111–118. DOI:10.1080/00048405785200121
32. *Scales G. H.* Clausewitz and World War IV. Armed // Forces Journal. – 2006. – July 1. – URL: http://armedforcesjournal.com/clausewitz-and-world-war-iv/
33. *Shepela S. T., Cook J., Horlitz E., Leal R., Luciano S., Lutfy E., Warden E.* Courageous resistance // Theory and Psychology. – 1999. – no. 9. – pp. 787–805.

References

1. Agafonov A. Yu. *Chelovek kak smyslovaya model' mira* [The person as the sense model of the world]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2000. 336 p.
2. Bakhtin M. M. *Raboty 20-kh godov* [Works of the twenties]. Kiev, Next Publ., 1994. 384 p.
3. Meshcheryakov B., Zinchenko V. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [The comprehensive psychological dictionary]. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ. 672 p.
4. Reber A. *Bol'shoi tolkovyi psikhologicheskii slovar'* [The comprehensive explanatory psychological dictionary]. Moscow, Veche – AST Publ., 2000. 592 p.
5. Bratus' B. S. *Lichnostnye smysly po A. N. Leont'evu i problema vertikali soznaniya: Traditsii i perspektivy deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii. Shkola A. N. Leont'eva* [Personal senses by A. N. Leont'ev and the problem of the vertical of consciousness: The traditions and prospects of the activity approach in psychology. A. N. Leont'ev's school]. Moscow, 1999, pp. 284–298.
6. Bratus' B. S. *Obshchepsikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti i problema edinits analiza lichnosti: A. N. Leont'ev i sovremennaya psikhologiya* [The general psychological theory of activity and the problem of units of the analysis of personality: A. N. Leont'ev and modern psychology]. Moscow, 1983, pp. 212–220.
7. Bulgakov S. N. *Dva grada. Issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov* [Two cities. Studying the nature of social ideals]. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 1997. 589 p.
8. Gizatulina A. A., Taradanov A. A. Adaptirovannost' voennosluzhashchikh k usloviyam srochnoi sluzhby [Adaptation of personnel to the military service]. *Geneticheskaya sotsiologiya XXI – Genetic Sociology of Twenty-First Century*, 2015, no. 1 (1), pp. 16–31.
9. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Progress, Univers Publ., 1994, V. 4. 864 p.
10. Il'in I. A. Rodina i my [Motherland and we]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999, V. 9. 512 p.

11. Karayani A. G. Altar' pobedy [The altar of victory]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2010, no. 1 (3), pp. 29–33.
12. Karayani A. G., Volobueva Yu. M. Voennaya psikhologiya kak oblast' spetsial'nogo nauchnogo znaniya i praktiki [Military psychology as the area of special scientific knowledge and practice]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya – Moscow University Bulletin, Series 14, Psychology*, 2007, no. 4, pp. 20–33.
13. Kyshtymova I. M. Diagnosticheskie vozmozhnosti avtorskogo teksta [Diagnostic potential of the author's text]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya) – Bulletin of University (State University of Management)*, 2007, no. 6, pp. 127–130.
14. Kyshtymova I. M. Psikhosemioticheskaya metodika diagnostiki verbal'noi kreativnosti [Psihosomaticheskoy the technique of diagnostics of verbal creativity]. *Psikhologicheskii zhurnal RAN – Psychological Journal of the Russian Academy of Sciences,* 2008, V. 29, no. 6, pp. 57–67.
15. Levit L. Z., Shevaldysheva E. Z. Egoim i al'truizm: «antagonisty» ili «brat'ya»? [Egoism and altruism: the "antagonists" or the "brothers"?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, no. 4 (333), V. 3, pp. 62–78.
16. Leont'ev D. A. *Metodika predel'nykh smyslov (MPS)* [The technique of ultimate senses (TUS)]. Moscow, Smysl Publ., 1999. 35 p.
17. Petrovskii A. V. *Psikhologiya: slovar'* [Psychology: dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 494 p.
18. Seligman M. *Put' k protsvetaniyu. Novoe ponimanie schast'ya i blagopoluchiya* [The way to prosperity. A new understanding of happiness and well-being]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013. 440 p.
19. Barkhudarov S. G. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The dictionary of the 11–17th centuries Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1978, V. 5. 392 p.
20. Barkhudarov S. G. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [The dictionary of the 13th century Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1992, V. 7. 263 p.
21. Barkhudarov S. G. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of modern Russian literary language]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, V. 4. 1362 p.
22. Barkhudarov S. G. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of modern Russian literary language]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, V. 13. 1515 p.
23. *Sovremennyi slovar' po psikhologii* [Modern dictionary on psychology]. Minsk, Sovremennoe slovo Publ., 1998. 768 p.
24. *Ustav vnutrennei sluzhby Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii* [Service regulations of the Interior Service of the Armed Forces of the Russian Federation]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Publ. 151 p.

25. Fel'dman Ya. A. *Teoriya urovnei i model' cheloveka* [The theory of levels and the human model]. Moscow, Dobroe slovo Publ., 2005. 224 p.
26. Frankl V. *Man's Search for Meaning* (Russ. ed.: Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.
27. Chernyshova O. V. Profilaktika stressovykh i krizisnykh situatsii u voennosluzhashchikh, prokhodyashchikh voennuyu sluzhbu po prizyvu [Prevention of stress and crisis situations in conscripts]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal – Russian Scientific Journal*, 2011, no. 20, pp. 182–193.
28. Baston C. D., Leonard B. Prosocial Motivation: Is it ever Truly Altruistic? *Advances in Experimental Social Psychology*, 1987, no. 20, pp. 65–122.
29. Driskell J. E. Olmstead B. Psychology and Military: Research Applications and Trends. *American Psychologist*, 1989, 44, pp. 43–54.
30. Harvey M. D., Enzle M. E. A cognitive model of social norms for understanding the transgression-helping effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1981, V. 41, no. 5, pp. 866–875.
31. Medin B. Ultimate principles and ethical egoist. *Australasian Journal of Philosophy*, 2002, V. 35, no. 2, pp. 111–118. DOI:10.1080/00048405785200121
32. Scales G. H. Clausewitz and World War IV. Armed. *Forces Journal*, 2006, July 1. Available at: http://armedforcesjournal.com/clausewitz-and-world-war-iv/
33. Shepela S. T., Cook J., Horlitz E., Leal R., Luciano S., Lutfy E., Warden E. Courageous resistance. *Theory and Psychology*, 1999, no. 9, pp. 787–805.